

О.В. Филиппенко*

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ НА ВЫБОРАХ 1946/1947 ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-14
УДК: 93/94

Выходные данные для цитирования:
Филиппенко О.В. Спецпоселенцы на выборах 1946/1947 годов // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 201–213. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-14.pdf>

O.V. Filippenko*

SPECIAL SETTLERS IN THE ELECTIONS OF 1946/1947

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-14

How to cite:
Filippenko O.V. Special Settlers in the Elections of 1946/1947 // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 201–213. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-14.pdf>]

Abstract. This article analyzes typical behavioral patterns used by Western Siberian special settlers during their participation in the 1946 Soviet Union Supreme Soviet and 1947 RSFSR Supreme Soviet elections (demonstrative activism, conformity, protest). The elections are considered a typical mobilization campaign of the Stalinist period, accompanied by large-scale ideological work aimed at bringing society into an active state. The study is based on reports from district and regional NKVD/MVD departments, special settlement departments of the MVD, and local Communist Party committees. The author concludes that the elections were a ritual in which not only special settlers but also representatives of the authorities participated. The former were ready to participate in government performances, avoiding extreme forms of activism and protest, while the latter confirmed their loyalty, outwardly demonstrating their maximum interest in achieving party goals. Based on this, the author evaluates the effectiveness of Stalinist mobilization campaigns - over time, they became an element of everyday life and no longer aroused enthusiasm among the population. The above allowed the author to present the process of adaptation and integration of discriminated groups into Soviet society as a school of conformity.

Keywords: special settlers, elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1946, elections to the Supreme Soviet of the RSFSR in 1947, Western Siberia, Stalinism, mobilization campaigns, election campaigns.

The article has been received by the editor on 28.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В настоящей статье анализируются типичные поведенческие модели, используемые западносибирскими спецпоселенцами при участии в голосовании в Верховный Совет СССР 1946 г. и Верховный Совет РСФСР 1947 г. (показательный активизм, конформизм, протест). При этом сами выборы рассматриваются как типичная мобилизационная кампания сталинского периода. Она сопровождалась крупномасштабной идеологической работой, была направлена на приведение социума в активное состояние, посредством нее режим демонстрировал внешнее соблюдение демократических процедур. Исследование базируется на докладных записках районных и областных отделений НКВД/МВД, отделений спецпоселений МВД, райкомов ВКП(б). В них местные власти по большей части описывали случаи антисоветского поведения спецпоселенцев. Автор прихо-

* **Ольга Вячеславовна Филиппенко**, PhD (Dr. Phil), Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, e-mail: olga.kanyshkova@mail.ru
Olga Vyacheslavovna Filippenko, PhD (Dr. Phil.), Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: olga.kanyshkova@mail.ru

дит к выводу, что выборы носили характер ритуала, участниками которого являлись не только спецпоселенцы, но и представители власти. Первые были готовы принимать участие во властных инсценировках, избегая при этом крайних форм активизма и протеста, вторые подтверждали свою лояльность, внешне демонстрируя свою максимальную заинтересованность в достижении поставленных партией целей. На основании этого автор дает оценку эффективности сталинских мобилизационных кампаний – с течением времени они превратились в элемент повседневной жизни и перестали вызывать энтузиазм у населения. Вышеизложенное позволило автору представить процесс адаптации и интеграции дискриминированных групп в советский социум как школу конформизма.

Ключевые слова: спецпоселенцы, выборы в Верховный Совет СССР 1946 г., выборы в Верховный Совет РСФСР 1947 г., Западная Сибирь, сталинизм, мобилизационные кампании, избирательные кампании.

Статья поступила в редакцию 28.10.2023 г.

Выборы в Верховный Совет СССР 1946 г. являлись первой послевоенной всесоюзной избирательной кампанией. Предыдущая проводилась только 12 декабря 1937 г. В промежутке между ними неоднократно организовывались дополнительные выборы (март, июнь 1940 г.; январь, февраль 1941 г.) по причине как расширения территории Советского Союза, так и досрочного прекращения полномочий у части депутатов. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1945 г. «О проведении выборов в Верховный Совет СССР» день голосования за депутатов Верховного Совета СССР 2-го созыва назначался на 10 февраля 1946 г. Принятое 11 октября 1945 г. «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» устанавливало всеобщее равное прямое и тайное голосование. В выборах могли участвовать все граждане СССР старше 18 лет, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом к лишению избирательных прав. Через год после проведения голосования в Верховный Совет СССР прошли выборы в Верховный Совет РСФСР и местные советы.

В историографии существуют разные концептуальные подходы к оценке целей и функций выборов сталинского периода. В политически ангажированных трудах советского времени избирательные кампании оценивались как «проявление единства партии и народа», а также «средство вовлечения масс в парламентскую деятельность»¹. Параллельно в английской и немецкой историографии исследователи поставили вопрос о роли выборов в обеспечении функционирования сталинского режима. Историки сошлись на том, что избирательные кампании носили декоративный характер, выполняли функцию консолидации населения и создания иллюзии его участия в политических процессах, являлись проверкой для партийных организаций на их способность мобилизовать народные массы, а также формировали образ демократии как внутри, так и за пределами страны². Несмотря на отсутствие репрезентативных источников, именно эти работы послужили основой для формирования сбалансированных концептуальных подходов, получивших впоследствии развитие в постсоветской исторической науке.

Вопрос о значении института выборов для советской власти поднимался и в работах бывших общественных и политических деятелей СССР и Восточной Европы. По мнению М. Джиласа, избирательные кампании сыграли важную роль в формировании советской номенклатуры. Посредством их власть получала признание не столько общества, сколько

¹ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1969. Т. 5. С. 17–21, 179–182.

² Leng H.-O. Die allgemeine Wahl im bolschewistischen Staat: Theorie. Praxis. Genesis. Meisenheim am Glan, 1973. S. 240–246; Von Borcke A. Partizipationsprobleme und Parteiregime in der Sowjetunion. Grenzen des bürokratischen Autoritarismus. Köln, 1983. S. 38–42.

«нового класса» – партийной бюрократии³. Эта точка зрения получила свое развитие в работах М. Восленского. Согласно его мнению, в ходе избирательных кампаний создавалась «временная» номенклатура, из которой впоследствии руководство страны отбирало подходящих лиц для «штатной» номенклатуры. Кроме того, в непосредственное участие в политике вовлекалось большое число рабочих и колхозников, что позволяло режиму демонстрировать демократичный характер советской системы⁴.

Большинство постсоветских российских исследователей полагают, что выборы являлись средством легитимации сталинского режима. В этой связи они оцениваются как идеолого-пропагандистские кампании, цель которых – укрепление авторитета существовавшей власти в глазах советских людей, а также формирование демократического имиджа как внутри страны, так и на международной арене⁵. Помимо этого, выборы также рассматриваются в контексте мобилизационной концепции, в рамках которой сталинские избирательные кампании оцениваются как форма социальной и политической мобилизации населения⁶. И.В. Павлова продемонстрировала нетипичный подход. Она проанализировала выборы 1937 г. с точки зрения их роли в Большом терроре и пришла к выводу, что данная избирательная кампания являлась сильным инструментом массового уничтожения «врагов народа», а массовое вовлечение в нее населения стало инструментом, который обеспечивал его соучастие в реализации репрессивной политики⁷. Сходная точка зрения представлена в работе немецкого историка К. Шлегеля. По его словам, при помощи выборов советское руководство выявляло потенциальных претендентов на власть и центры политического влияния, которые могли выйти из подполья в процессе избирательной кампании (духовенство, депортированные «кулаки», представители бывших правящих классов)⁸.

Кроме того, современная российская историография опровергла распространенную в советское время точку зрения о повсеместной высокой активности граждан – исследователи начали анализировать различные поведенческие модели населения, такие как активизм, конформизм и протест⁹. При этом участвовавшие в выборах советские граждане до сих пор продолжают рассматриваться как однородная группа. По этой причине отсутствуют

³ *Djilas M.* Die neue Klasse: Eine Analyse des kommunistischen Systems. München, 1957. S. 132–135.

⁴ *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 39.

⁵ *Дорожкина Я.Б.* Выборы в Верховный Совет СССР 1937 г.: формирование окружных и участковых избирательных комиссий // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 132–141; *Генина Е.С., Колязимова М.М.* Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг., связанные с образом И.В. Сталина (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. История и археология. 2014. № 3. С. 145–150; *Филипчук И.В.* Работа агитаторов с населением в ходе избирательной кампании 1940–1950-х гг. (на примере Горьковской области) // Приволжский научный вестник. Сер.: История. Исторические науки. 2014. № 40. С. 102–104; *Колязимова М.М.* Идеолого-пропагандистская кампания, связанная с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР 1946 года (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: История. Исторические науки. 2013. № 4. С. 33–36; *Курьянович А.В.* Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года как легитимация советского общественно-политического режима (на примере Белорусской ССР) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 46–53.

⁶ *Кимерлинг А.С.* Выборы в Верховный Совет СССР 1946 года в Молотовской области как пример мобилизационной политической кампании // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2016. № 4. С. 104–112; *Ушакова С.Н.* Социальная мобилизация как системная характеристика советского общества // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 205–212.

⁷ *Павлова И.В.* 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37.

⁸ *Schlögel K.* Terror und Traum: Moskau 1937. München, 2008. S. 252.

⁹ *Busheva A., Slezin A.* Vorlesungen der Zeitgenossen von dem Mechanismus der Wahlen in den Obersten Rat der UdSSR nach dem zweiten Weltkrieg // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. № 4. С. 1126–1129; *Кимерлинг А.С.* «Кто портит бюллетени, тот в союзе недовольных» // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 326–334; *Кимерлинг А.С.* По ту сторону лозунгов: практики приспособления к политическим кампаниям в 1945–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. М., 2015. С. 136–147; *Мотревич В.П.* Выборы в Верховный Совет СССР 1946 года // Документ. Архив. История. Современность. 2009. № 10. С. 372–381; *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 111–119.

исследования, в которых сравнивалось бы отношение к избирательным кампаниям, например крестьян и рабочих, мужчин и женщин, представителей правовых и дискриминированных категорий населения. Таким образом, акцент, поставленный на спецпоселенцах, позволит не только выявить специфику поведения «неблагонадежных» групп советского социума, но и показать, какое положение режим отводил им в избирательных кампаниях.

В рамках настоящей статьи 1946–1947 гг. выборы рассматриваются как типичная мобилизационная кампания со всеми присущими ей особенностями. Во-первых, в ее ходе режим оказывал целенаправленное воздействие на массы через крупномасштабную идеологическую работу. Так, в центральной и местной прессе публиковалась большая серия статей на тему избирательной кампании, а также при помощи специально подготовленных агитаторов проводилась масштабная пропагандистская работа среди населения. Во-вторых, целью кампании было приведение социума в активное состояние для проверки степени политической лояльности населения и его способности поддерживать властные инициативы. Выборы не могли повлиять на политическое развитие страны по причине их безальтернативности, а Верховный Совет являлся декоративным органом власти. При этом участие в голосовании было скорее обязанностью, чем правом, отказ от участия рассматривался как признак антисоветского настроения. В-третьих, огромное значение в процессе выборов имели ритуалы, режим стремился продемонстрировать внешнее соблюдение демократических процедур. Кроме того, сам день выборов представлялся как всенародный праздник, на избирательных участках проводились развлекательные и культурные мероприятия. Результаты голосования преподносились как очередная победа населения в деле построения социализма.

Выборы в Верховный Совет СССР проводились в несколько стадий, среди которых, согласно А.С. Кимерлинг, можно выделить следующие: идеологический посыл через центральную, а затем и местную прессу; организационный этап; мобилизация масс; реализация целей и задач кампании (день выборов); отчет об успехах¹⁰. В рамках первого, идеологического, этапа центральные и местные газеты печатали много пропагандистских материалов, которые направляли ход кампании в нужное русло. Организационный этап кампании заключался в подготовке агитаторов для избирательных кампаний и отборе членов избирательных комиссий. Эти процессы также активно освещались в прессе. В ходе мобилизационного этапа проходили встречи избирателей с кандидатами. Непосредственно в день выборов власти, помимо самого голосования, организовывали различные мероприятия, создавая вокруг него праздничную атмосферу. Кампания заканчивалась публичным объявлением ее результатов.

Механизм проведения указанной мобилизационной кампании показывает, что ее главная цель заключалась в вовлечении в нее как можно большего количества населения, которое посредством своего выбора должно было подтвердить легитимность советской власти. Активное участие спецпереселенцев в голосовании вполне соответствовало этой цели, так как могло продемонстрировать высокую популярность советской власти среди всех слоев населения, в том числе среди «антисоветских элементов».

Основу источниковой базы составляют докладные записки, в которых отразился вопрос участия спецпереселенцев в выборах в Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР и местные советы. Авторами двух третей докладных записок являются начальники районных отделений НКВД/МВД или оперуполномоченные ОСП МВД, адресатами – секретари райкомов ВКП(б). Почти 30 % документов были составлены секретарями райкомов партии и направлялись в обком. Кроме того, выявлена одна записка, подписанная секретарем ВКП(б). Информация о настроениях спецпереселенцев в период избирательной кампании первоначально собиралась работниками районного отделения НКВД/МВД. Затем они направляли ее в райком ВКП(б), который, в свою очередь, ее обобщал и посылал в обком. Местные власти прежде всего интересовали факты, которые отражали антисоветскую деятельность спецпоселенцев, а также их негативное отношение к выборам. Это определило основное содержание источников и их структуру. Чаще всего докладные записки состояли

¹⁰ Кимерлинг А.С. Выборы в Верховный Совет СССР... С. 104.

из следующих частей: общая характеристика спецпереселенцев, проживающих в районе; описание состояния агитационно-пропагандистской работы, проведенной в отношении ссыльных; приведение отдельных фактов «антисоветской» деятельности спецпереселенцев (чаще всего это представлено в виде набора цитат); предложения по улучшению положения.

Оценивая отношение спецпоселенцев к выборам, региональные власти выделили три категории спецпоселенцев, чье поведение отличалось от доминирующего поведенческого шаблона – конформизма (участие в ритуале без четкого выражения собственной позиции по данному вопросу):

- 1) лица, позитивно относящиеся к избирательному процессу;
- 2) спецпоселенцы, участвующие в голосовании только исходя из личных мотивов;
- 3) лица, отказывающиеся голосовать или ведущие «антисоветскую» агитацию.

Таким образом, можно согласиться с классификацией избирателей, составленной А.С. Кимерлинг, которая разделила участников выборов на «активистов», «лукавых», «конформистов» и «уклонистов»¹¹.

Активность спецпоселенцев в процессе выборной кампании. В анализируемых источниках информация, свидетельствующая об активности спецпереселенцев в период избирательной кампании, встречается достаточно редко, что отчасти связано с целью их составления. Только в трех докладных записках напрямую сообщается, что спецпереселенцы встречают данное событие с особым энтузиазмом. Так, в справке начальника Ирменского райотдела МВД Новосибирской области от 29 января 1947 г. сообщается следующее: «По данным райотделения МВД основная масса спецпереселенцев-немцев по вопросу выборов в Верховный Совет РСФСР настроена положительно. В большинстве своем между собой спецпереселенцы-немцы высказывают, что наша страна является самой демократической страной в мире. У нас могут избирать и быть избранными все граждане, достигшие совершеннолетия, а вот в капиталистических странах этого нет, там избирают только богатых. [‘]День выборов в Верховный совет мы должны отметить [хорошими] производственными показателями[’, –] такие положительные высказывания по Сенчанке, Яркам, Тихоново, Шилово и другим»¹². Во второй докладной записке (Куйбышевский район Новосибирской области, от 27 января 1947 г.) сообщается, что настроение спецпоселенцев калмыков и немцев в целом хорошее. В качестве доказательства приводятся два принадлежавших спецпоселенцам высказывания. В первом немец Л. говорит, что будет выдвигать кандидатами в депутаты Верховного Совета РСФСР «лучших людей нашей Родины, преданных делу Ленина и Сталина», во второй – калмычка А. заявляет, что она имеет «большое счастье в своей жизни» и может голосовать за блок беспартийных и коммунистов, так как ей исполнилось 18 лет¹³. В третьей докладной записке приводятся цитаты отдельных спецпереселенцев, готовых в честь этого праздника повысить производительность своего труда¹⁴.

Представленные приукрашенные случаи, естественно, не свидетельствуют о том, что спецпоселенцы массово и активно поддерживали избирательную кампанию. Во-первых, об этом напрямую говорится в других докладных записках. Так, начальник управления НКВД по Новосибирской области Ф.П. Петровский сообщил секретарю Новосибирского Обкома ВКП(б), что пока еще незначительная часть спецпереселенцев встречает выборы в Верховный Совет новыми производственными показателями¹⁵. Во-вторых, в источниках не содержится примеров, в которых бы описывался положительный опыт работы спецпереселенцев в качестве агитаторов или членов избирательных комиссий. Работники НКВД/МВД, напротив, подчеркивают, что включение спецпереселенцев в состав агитаторов является существенным недочетом организации предвыборной кампании¹⁶. Это связано с тем, что, по

¹¹ Кимерлинг А.С. По ту сторону лозунгов... С. 139.

¹² ГАНО. Ф. П-51. Оп. 1. Д. 278. Л. 9.

¹³ ГАНО. Ф. П-58. Оп. 1. Д. 305. Л. 1.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 190.

¹⁵ Там же. Л. 189.

¹⁶ Там же. Д. 232. Л. 72; Ф. П-90. Оп. 1. Д. 570. Л. 2.

мнению региональных властей, спецпереселенцы не заслуживали политического доверия. Кроме того, Черепановское районное отделение МВД Новосибирской области приводит случаи, когда спецпоселенцы не справлялись с возложенными на них обязанностями. Так, привлеченный к агитационной работе калмык Б. не смог опровергнуть распространенный среди спецпереселенцев миф, что вслед за выборами последует снятие с учета и возвращение на родину¹⁷. Помимо этого, немка К., назначенная сторожихой агитационного пункта, во время дежурства читала некую религиозную книгу немецкого издания¹⁸. В-третьих, несмотря на то, что в источниках неоднократно описываются ситуации, когда спецпереселенцы посещали агитационные собрания и различные лекции¹⁹, в них нет указаний, что депортанты проявляли там какую-либо активность. Их участие ограничивалось присутствием.

Составители докладных записок отмечают, что некоторые спецпоселенцы участвуют в голосовании, руководствуясь только личными мотивами. В частности, они надеялись, что голосование повлечет за собой освобождение и возвращение домой: «Спецпереселенцам было разъяснено, что они наравне с остальными гражданами будут принимать участие в выборах в Верховный Совет Союза ССР, [Наши данные] свидетельствуют о том, что значительная часть спецпереселенцев рассматривает это событие положительно, но не с общегосударственной точки зрения, а исходя из личных интересов. Они считают, что в связи с выборами спецпереселенцы получают в конечном итоге право на свободный выбор места жительства»²⁰. Эти слухи распространились преимущественно среди высланных по «национальному признаку» спецпоселенцев (немцы и калмыки).

Ряд депортантов считал, что реабилитация и освобождение могут произойти и до начала избирательной кампании. Так, калмычка И., проживающая в Искитимском районе Новосибирской области, сказала следующее: «Представители иностранной прессы спрашивают: [“]Почему лишены национальной самостоятельности калмыки, немцы и др. народы, в то время, как Вы /Советское правительство/ говорите о дружбе народов[?]”] Вот почему будут восстановлены автономные республики до выборов в Верховный Совет»²¹.

Возможное решение об освобождении спецпоселенцы связывали с потенциальным давлением на советское правительство, которое могли оказать иностранные государства. Вообще представление о том, что другие страны сыграют ключевую роль в освобождении, являлось характерным для сознания депортантов на протяжении всей истории института спецпоселения. По их мнению, некое государство в скором времени начнет войну с Советским Союзом, свергнет советский режим и избавит их от всех страданий. При этом роль государства-освободителя выполняли разные страны в зависимости от геополитической атмосферы. Так, в начале 1930-х гг. ссыльные крестьяне Западной Сибири видели свое спасение в приходе Китая (возможно, это связано с советско-китайским конфликтом на КВЖД 1929 г.). С 1941 г. роль спасителя безоговорочно стали отдавать Германии. Это представление сохранилось как минимум до 1946–1947 гг., даже несмотря на поражение нацистов, и было особенно характерно для советских немцев. Об этом свидетельствуют высказывания спецпереселенцев, которые приводят работники районных отделений НКВД/МВД. Так, немец А. по вопросу выборов в Верховный Совет РСФСР в 1947 г. заявил следующее: «Нас немцев не будут считать за людей до тех пор, пока Германия не получит свои права, как она была до 1941 г., до этих пор мы немцы будем жить так же несамостоятельно, как сейчас Германия. <...> Выбранные депутаты ничего для немцев не дадут и для устройства жизни. Придет время[,] когда будет война[,] тогда немцам будет жить хорошо»²². Ссылнопоселенцы из Прибалтики также, по мнению местных властей, надеялись на победу Гитлера и связывали с ним свое освобождение, однако «с наступлением Красной Армии

¹⁷ ГАНО. Ф. П-90. Оп. 1. Д. 570. Л. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАНО. Ф. П-79. Оп. 1. Д. 226. Л. 13; Там же. Ф. П-57. Оп. 1. Д. 446. Л. 14.

²⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 189.

²¹ Там же. Л. 192.

²² ГАНО. Ф. П-56. Оп. 1. Д. 306. Л. 3–4.

разговоры о непобедимости немецкой армии прекратились и [они] стали восхвалять Красную Армию»²³.

В целом спецпоселенцы показали свою готовность принимать участие в выборах, а также посещать иные мероприятия, связанные с данным событием. Но они не стремились стать агитаторами, членами избирательных комиссий или же поддержать проведение избирательной кампании посредством увеличения объема производства. Этот тип поведения можно охарактеризовать как мимикрическую адаптацию, в рамках которой, согласно концепции Л.В. Корель, индивиды и социальные группы корректируют свое поведение, сохраняя при этом внутри традиционные жизненные установки и цели²⁴. Другими словами, спецпоселенцы лишь внешне приняли необходимые правила и следовали установленным режимом ритуалам. По этой причине их участие в кампании не характеризовалось чрезмерной активностью даже в условиях того, что активизм потенциально мог увеличить их шансы на выживание. Что, к слову, региональные власти вполне устраивало. Они не были готовы допустить спецпоселенцев к участию в проведении кампании даже при условии наличия на это запроса со стороны депортантов. Причина этого заключалась в их недостаточной политической благонадежности. Соответственно, участие в голосовании и отсутствие открытой критики правительства воспринимались надзорными органами как достаточное выражение политической лояльности.

Вышеизложенное касается преимущественно немцев и калмыков. Региональные власти значительно хуже относились к ссыльнопоселенцам из Прибалтики и Молдавии. Так, секретарь Парбигского районного комитета ВКП(б) Томской области И. Давыденко отмечает, что данные спецпереселенцы являются реакционерами и до ссылки являлись членами различных партий. Поэтому, несмотря на то, что ссыльнопоселенцы размещены в колхозах, промцентре и промартелях, значительная часть из них под разными предлогами уклоняется от работы²⁵. По той же причине в обобщающей справке о настроениях спецпереселенцев в Томской области приводится следующий вывод о возможности данного спецконтингента принимать участие в избирательной кампании: «В отношении высланных элементов из Прибалтики и Молдавии, учитывая[,] что они высланы решением особого совещания, сроком на 20 лет [в отличие от немцев и калмыков, высланных в административном порядке], считать целесообразным лишить их прав на участие в голосовании, как осужденных по суду [это соответствовало «Положению о выборах в Верховный Совет СССР» от 11 октября 1945 года]»²⁶. Кроме того, по мнению региональных властей, к участию в голосовании нельзя допускать сектантов (казанских баптистов) из-за их враждебного настроения²⁷.

Противоположное мнение местные власти высказывают в отношении другой категории репрессированных, бывших «кулаков» или трудпоселенцев. Они, по мнению вышеупомянутого И. Давыденко, прошли период трудного и политического воспитания, что дает возможность в отдельных случаях допустить их в избирательные комиссии в качестве членов²⁸. Он также отмечает, что объявление выборов в Верховный Совет вызвало в их среде новый политический и производственный подъем, на основе чего развернулось соцсоревнование за подготовку к севу, досрочное выполнение планов лесозаготовок²⁹. Кроме того, в Бакчарском районе Томской области 22 из 150 членов избирательной комиссии являлись трудпоселенцами, большинство из которых были комсомольцами и учителями³⁰.

Уклонение спецпоселенцев от участия в выборах. В качестве доказательства уклонения части спецпоселенцев от участия в голосовании служащие райотделов НКВД/МВД приводили отдельные высказывания депортированных, в которых те объясняли

²³ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 282. Л. 3.

²⁴ Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 140–141.

²⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 282. Л. 3.

²⁶ Там же. Л. 16.

²⁷ Там же. Л. 4.

²⁸ Там же. Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 3.

³⁰ Там же. Л. 14.

причины своего негативного отношения. Все фигурирующие в анализируемых источниках цитаты были разделены на несколько групп в соответствии с их содержанием (см. таблицу):

1. Спецпереселенцы связывают свое нежелание голосовать с плохим материальным положением и считают, что выборы не имеют большого значения в условиях нужды и голода.

«Ранее мы жили без всяких выборов, а жизнь была лучше, народ ел хлеб, мясо в достаточном количестве, а при Советской власти каждый год голосуем, а жизнь для народа становится все хуже и хуже, народ живет голодом, [власти] хлеб совсем отказали[сь] [выдавать]. Сейчас только составляют планы больше языками, а на деле для народа ничего нет. Я согласна вообще не голосовать, жить без выборов и без колхозов[,] по существу и голосовать не за что, нас не кормят и вообще жить очень трудно»³¹.

Спецпоселенка-немка Р., Кочковский район Новосибирской области, 1947 г.

2. Депортанты отмечают отсутствие среди кандидатов лиц, способных отстаивать интересы малых народов.

«Вот сейчас начнутся выборы[,] неужели не будет выбрано в Верховный совет представителя от немецкой республики[?] Если он так и не будет выставлен, все же это было бы неправильно»³².

Спецпоселенец-немец Е., Томская область, 1945 г.

3. Спецпереселенцы рассматривают голосование как фикцию – только угодные власти кандидаты могут на них победить.

«Положение о выборах по содержанию такое же, что было в 1937 году. Кто будет избран, пока неизвестно, но, видимо, большинство старых депутатов войдет в состав Верховного Совета»³³.

Спецпоселенец-калмык А., Убинский район Новосибирской области, 1945 г.

4. Спецпоселенцы выражают недовольство конкретными кандидатами и обвиняют их в воровстве и безграмотности.

«[Кандидат] приехал в село Черновка, а завтра будет у нас в селе Решетах[,] но я и не пойду смотреть, потому что она недостойна в депутаты, ей только чистить уборные»³⁴.

Спецпоселенка-немка Ф., Кочковский район Новосибирской области, 1947 г.

5. Спецпереселенцы связывают свое нежелание участвовать в избирательной кампании с депортацией.

«На днях в нашем колхозе было собрание по вопросу выборов[,] Для какой цели они нас зовут[,] немцев, выборы для нас не нужны совершенно, советское правительство выгнало нас из дому, а за это мы им никогда не простим и простить не можем»³⁵.

Спецпоселенец-немец Ш., Кочковский район Новосибирской области, 1947 г.

6. Причины негативного отношения спецпереселенцев к голосованию не конкретизируются.

«Нас эти выборы не интересуют. Хотя и будут приглашать, вряд ли[,] я пойду на голосование»³⁶.

Спецпоселенка-немка Д., Убинский район Новосибирской области, 1945 г.

Наиболее частая причина нежелания спецпоселенцев голосовать заключалась в их уверенности в том, что они не изменят политическую и экономическую ситуацию в стране. Подобные настроения распространялись не только среди них, но и среди правового населения. Об этом, например, сообщал начальник Краснозерского райотдела НКВД Терехов в своей докладной записке от 30 января 1946 г. По представленной им информации, одна колхозница не захотела участвовать в избирательной кампании из-за серьезной матери-

³¹ ГАНО. Ф. П-56. Оп. 1. Д. 306. Л. 4.

³² ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 282. Л. 15.

³³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 190.

³⁴ ГАНО. Ф. П-56. Оп. 1. Д. 306. Л. 3.

³⁵ Там же. Л. 31.

³⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 189.

альной нужды и считала, что выборы ничего не смогут изменить³⁷. Данный тезис подтверждается и источниками, приведенными А.С. Кимерлинг. Историк связала отказ части населения от участия в политическом ритуале с осознанием его фиктивного характера и неудовлетворенностью текущей экономической ситуацией³⁸.

Таблица 1

Причины отказа спецпоселенцев от голосования (чел.)*

Наименование	Категория					
	1	2	3	4	5	6
Спецконтингент						
Немцы	6	6	13	3	2	4
Калмыки	1	1	2	0	0	3
Фольксдойче	1	0	0	0	1	0
Тип избирательной кампании						
Выборы в Верховный Совет СССР 1946 г.	4	1	12	0	1	4
Выборы в Верховный Совет РСФСР 1947 г.	4	6	3	3	2	3
Всего	8	7	15	3	3	7

* Составлено по: ЦДНИ ТО. 607. Ф. 1. Д. 282. Л. 1–4. 13–16; ГАНО Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 188–192; Д. 232. Л. 71–79; Ф. П-30. Оп. 1. Д. 321. Л. 33; Ф. П-43. Оп. 1. Д. 512. Л. 5; Ф. П-51. Оп. 1. Д. 278. Л. 9; Ф. П-56. Оп. 1. Д. 306. Л. 3–4, 31–32; Ф. П-57. Оп. 1. Д. 435. Л. 5–6; Д. 446. Л. 14; Ф. П-58. Оп. 1. Д. 305. Л. 1–2; Ф. П-78. Оп. 1. Д. 134. Л. 1; Ф. П-79. Оп. 1. Д. 226. Л. 13; Ф. П-90. Оп. 1. Д. 570. Л. 1–4.

Абсентеизм спецпоселенцев усиливался под воздействием специфических факторов, не игравших существенной роли для остального населения. Помимо очевидного недовольства советским режимом из-за проведенной репрессии, депортанты считали, что выборы не смогут защитить их национальные интересы. Особенно это проявилось в процессе избрания депутатов в Верховный Совет РСФСР 1947 г. До депортации немцы и калмыки вовлечены в процесс избрания представительных органов своих национальных республик – Верховного Совета АССР Немцев Поволжья и Верховного Совета Калмыцкой АССР и рассматривали их как инструмент защиты своих национальных интересов. Уничтожение национальных автономий привело к упразднению этих органов власти, что немцы и калмыки восприняли как лишение всех политических прав. А Верховный Совет РСФСР продолжал оцениваться как орган, отражающий интересы сугубо русских.

Достаточно специфично дело обстояло с отправленными на спецпоселение религиозными группами, такими как «Истинно-Православные христиане». Их религиозные постулаты отрицали какое-либо взаимодействие с государством, в том числе участие в голосовании. Религиозность усиливала абсентеизм и этнических категорий спецпоселенцев. По сообщению начальника ОСП НКВД по Доволенскому району Новосибирской области Еланышева, спецпоселенцы-немцы собираются для проведения различного рода богослужений, направленных против выборов в Верховный Совет СССР³⁹. Кроме того, автор источника отмечает наличие у спецпоселенцев эсхатологических настроений, согласно которым скоро должен наступить всеобщий суд над живыми и мертвыми⁴⁰. В этой связи участие в политической жизни для них теряло всякий смысл.

Что, по мнению региональных властей, могло способствовать улучшению настроений спецпоселенцев и поднятию их избирательной активности? Приблизительно в одной пятой источников существование проблемы абсентеизма спецпоселенцев отрицается. Их авторы сообщают, что агитационная работа проводится хорошо, спецпереселенцы вовлечены

³⁷ ГАНО. Ф. П-57. Оп. 1. Д. 435. Л. 10.

³⁸ Кимерлинг А.С. По ту сторону лозунгов... С. 145–146.

³⁹ ГАНО. Ф. П-54. Оп. 1. Д. 512. Л. 5.

⁴⁰ ГАНО. Ф. П-57. Оп. 1. Д. 435. Л. 6.

в общественные мероприятия на одном уровне с местным населением, их настроения в целом положительные. Так как в остальных источниках уклонение спецпоселенцев от голосования признается, можно выдвинуть гипотезу, что отрицание проблемы было тактикой взаимодействия региональных властей с вышестоящими инстанциями для избегания потенциального наказания за неправильное проведение избирательной кампании.

Среди тех, кто признал проблему абсентеизма, четверть не предложила конкретных мер по улучшению ситуации. Вместо этого работники надзорных органов или ограничивались отдельными фразами («[Я] прошу Вас дать указания отделу агитации и пропаганды об усилении агитмассовой работы в этих колхозах»)⁴¹, или предлагали усилить борьбу против отдельных личностей, которые занимаются антивыборной агитацией (необходимо «взять на повседневное наблюдение лиц[,] настроенных против выборов в Верховный Совет РСФСР»)⁴². Еще в трети докладных записок в качестве средства снижения «антисоветской» активности спецпоселенцев предлагается усиление идеологической работы. Их авторы указывают на необходимость проведения агитации на языках депортированных народов и увеличения количества предвыборных мероприятий, ориентированных сугубо на спецпоселенцев: «Многие члены ВКП(б) из спецпереселенцев партийных поручений не имеют. Особенно плохо обстоит дело среди калмыков, многие из которых совершенно не знают русского языка и питаются различными слухами[,] исходящими подчас от антисоветских враждебных элементов»⁴³.

Авторы оставшейся части докладов назвали настоящую причину абсентеизма спецпоселенцев: бедность, голод и регулярные задержки зарплаты. Начальник Черепановского райотдела МВД Новосибирской области Сафронов предлагал улучшить настроения, царившие среди спецпоселенцев, так: «4. [Я] прошу Вашего воздействия в изыскании средств и выплате зарплаты рабочим по заводу № 8, райпромкомбинату и артели ‚Каме-нолом‘. [...] 6. Считал бы необходимым заслушать на бюро РК ВКП(б) директора молсовхоза тов. Осинцева и секретаря первичной парторганизации тов. Бороздина о создании нормальных бытовых условий спецпереселенцам, расселенных в совхозе и об усилении агитационной политическо-массовой работе по выборам в Верховный Совет РСФСР среди спецпереселенцев»⁴⁴. При этом они не пытались возложить ответственность за бедственное положение на самих спецпоселенцев, а обуславливали подобную ситуацию бездействием сотрудников, ответственных за размещение депортантов в Сибири, а также руководителей хозяйственных организаций. Только в одном документе говорится о нежелании спецпоселенцев обзаводиться хозяйством. Но даже в нем отмечается, что ухудшению материального положения депортантов способствовали их регулярные переселения: «Большая часть немцев была направлена в распоряжение Томского Госрыбтреста на рыбодобычу[,] в силу особых условий рыбодобычи, они за время войны очень часто переводились с одного места на другое, вследствие этого значительная часть из них не осели, большая часть оказалась в тяжелом материальном положении[,] и настроение их характеризуется целым рядом отрицательных явлений. От работы под разными предлогами уклоняются, не проявляют никакого желания оседать в этих местах, стремясь все время уехать»⁴⁵.

Оценивая позицию региональных властей в целом, следует отметить, что и для их поведения была характерна мимикрия. Ключевая задача местных лидеров заключалась в постоянной демонстрации того, что они добросовестно и своевременно выполняют требования центра. По этой причине они отрицали проблемы, которые возникали в процессе реализации постановлений центра, ограничиваясь формальными фразами или предлагая решать проблемы путем усиления пропагандистской работы, что едва ли могло изменить отношение спецпоселенцев к советской власти. Даже когда сотрудники местных отделов НКВД/МВД признавали, что абсентеизм спецпоселенцев вызывался более глубокими причинами, в том

⁴¹ ГАНО. Ф. П-51. Оп. 1. Д. 278. Л. 9.

⁴² ГАНО. Ф. П-56. Оп. 1. Д. 306. Л. 4.

⁴³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 196. Л. 184.

⁴⁴ ГАНО. Ф. П-90. Оп. 1. Д. 570. Л. 3.

⁴⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 282. Л. 13–14.

числе крайне тяжелым экономическим положением депортантов, они возлагали ответственность на других исполнителей, руководителей хозяйственных организаций и в редких случаях самих спецпоселенцев.

Отмеченное выше подводит нас к проблеме эффективности сталинских мобилизаций. Согласно мнению С.Н. Ушаковой, режим в основном добивался реализации целей идеологических кампаний 1930-х гг. В совокупности с другими методами воздействия на население они способствовали мобилизации советского общества и формированию массового сознания в нужном для советской власти направлении⁴⁶. Однако их эффект оказывался кратковременным – постепенно мобилизационные кампании превратились в элемент повседневной жизни, в некий ритуал, и уже не могли вызвать энтузиазм населения. Е.Ю. Зубкова справедливо заметила, что основными чертами послевоенного советского общества являлась либо полная аполитичность, либо демонстративная (ритуальная) активность⁴⁷.

В этом ритуале участвовали не только простые граждане, но и представители власти. Первые делали вид, что поддерживают организованные режимом мероприятия, вторые – что прилагают все усилия, чтобы провести их максимально качественно. Спецпоселенцы в основной массе приняли правило подобного социального ритуала, хотя некоторые из них все же пытались отказаться от участия в нем. В сравнении с остальными гражданами поведение спецпоселенцев в меньшей степени характеризовалось демонстративной активностью. Они не стремились попасть в ряды тех, кто деятельно помогал в организации выборов. Такая позиция полностью соответствовала интересам региональных властей, поскольку «неблагонадежные» элементы должны были быть лишь частью мобилизационной кампании, а не ее локомотивом.

Таким образом, процесс интеграции спецпоселенцев в советскую систему можно рассматривать как некую школу конформизма, в которой депортанты должны были научиться формально следовать декларативным нормам поведения и принимать участие во всеобщей инсценировке. Некоторые люди, не сумев принять правила этой игры, становились на путь пассивного сопротивления.

Литература

Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, Октябрь, 1991. 624 с.

Генина Е.С., Колязимова М.М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг., связанные с образом И.В. Сталина (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. История и археология. 2014. № 3. С. 145–150.

Дорожкина Я.Б. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 г.: формирование окружных и участковых избирательных комиссий // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. / В.И. Шишкин (ред.). Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2002. С. 132–141.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 230 с.

История Сибири с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. А.П. Окладникова. Л.: Наука, 1969. Т. 5. 464 с.

Кимерлинг А.С. «Кто портит бюллетени, тот в союзе недовольных» // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 326–334.

Кимерлинг А.С. Выборы в Верховный Совет СССР 1946 года в Молотовской области как пример мобилизационной политической кампании // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2016. № 4. С. 104–112.

⁴⁶ См.: Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: на материалах Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. С. 281–289.

⁴⁷ См.: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество... С. 111–119.

Кимерлинг А.С. По ту сторону лозунгов: практики приспособления к политическим кампаниям в 1945–1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма / Й. Баберовски (ред.). М.: РОССПЭН, 2015. С. 136–147.

Колязимова М.М. Идеолого-пропагандистская кампания, связанная с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР 1946 года (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: История. Исторические науки. 2013. № 4. С. 33–36.

Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

Курьянович А.В. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года как легитимация советского общественно-политического режима (на примере Белорусской ССР) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 46–53.

Мотревич В.П. Выборы в Верховный Совет СССР 1946 года // Документ. Архив. История. Современность. 2009. № 10. С. 372–381.

Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37.

Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: на материалах Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 22 с.

Ушакова С.Н. Социальная мобилизация как системная характеристика советского общества // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат-лов регион. молодеж. науч. конф. / А.К. Кириллов (ред.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. С. 205–212.

Филипчук И.В. Работа агитаторов с населением в ходе избирательной кампании 1940–1950-х гг. (на примере Горьковской области) // Приволжский научный вестник. Сер.: История. Исторические науки. 2014. № 40. С. 102–104.

Busheva A., Slezin A. Vorlesungen der Zeitgenossen von dem Mechanismus der Wahlen in den Obersten Rat der UdSSR nach dem zweiten Weltkrieg // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. № 4. С. 1126–1129.

Djilas M. Die neue Klasse: Eine Analyse des kommunistischen Systems. München: Kindler, 1957. 283 s.

Leng H.-O. Die allgemeine Wahl im bolschewistischen Staat: Theorie. Praxis. Genesis. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1973. 272 s.

Schlögel K. Terror und Traum: Moskau 1937. München: Carl Hanser Verlag, 2008. 816 s.

von Borcke A. Partizipationsprobleme und Parteiregime in der Sowjetunion. Grenzen des bürokratischen Autoritarismus. Köln: Bundesinst. für Ostwiss. u. Internat Studien, 1983. 70 s.

References

Busheva, A., Slezin, A. (2011). Vorlesungen der Zeitgenossen von dem Mechanismus der Wahlen in den Obersten Rat der UdSSR nach dem zweiten Weltkrieg. In *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 4, pp. 1126–1129.

Djilas, M. (1957). *Die neue Klasse: Eine Analyse des kommunistischen Systems*. München, Kindler. 283 p.

Dorozhkina, Ya.B. (2002). Vybory v Verkhovnyy Sovet SSSR 1937 g.: formirovanie okruzhnykh i uchastkovykh izbiratel'nykh komissiy [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937: Formation of District and Precinct Election Commissions]. In *Sibir' v XVII–XX vekakh: problemy politicheskoy i sotsial'noy istorii: Bakhrushinskiye chteniya 1999–2000 gg.* Novosibirsk, pp. 132–141.

Filipchuk, I. (2014). Rabota agitatorov s naseleniem v khode izbiratel'noy kampanii 1940–1950-kh gg. (na primere Gor'kovskoy oblasti) [The Work of Agitators with the Population during the Election Campaign of the 1940–1950s (Using the Example of the Gorky Region)]. In *Privolzhskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Istoriya. Istoricheskie nauki*. No. 40, pp. 102–104.

Genina, E., Kolyazimova, M. (2014). Ideologicheskie kampanii v SSSR 1946–1953 gg., svyazannye s obrazom I.V. Stalina (po materialam Kemerovskoy oblasti) [Ideological Campaigns in the USSR from 1946 to 1953 Related to the Image of J.V. Stalin (Based on Materials from the Kemerovo Region)]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya i arkhologiya*. No. 3, pp. 145–150.

Kimerling, A. (2013). “Kto portit byulleteni, tot v soyuze nedovol’nykh” [“Whoever Spoils the Ballots is in the Union of Dissatisfied”]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 1, pp. 326–334.

Kimerling, A. (2015). Po tu storonu lozungov: praktiki prisposobleniya k politicheskim kampaniyam v 1945–1953 gg. [Beyond Slogans: Practices of Adaptation to Political Campaigns in 1945–1953]. In *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma*. Moscow, ROSSPEN, pp. 136–147.

Kimerling, A. (2016). Vybory v Verkhovnyy Sovet SSSR 1946 goda v Molotovskoy oblasti kak primer mobilizatsionnoy politicheskoy kampanii [The 1946 Elections to the Supreme Soviet of the USSR in the Molotov Region as an Example of a Mobilization Political Campaign]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 4, pp. 104–112.

Kolyazimova, M. (2013). Ideologo-propagandistskaya kampaniya, svyazannaya s podgotovkoy k vyboram v Verkhovnyy Sovet SSSR 1946 goda (po materialam Kemerovskoy oblasti) [Ideological-Propagandistic Campaign Related to the Preparation for the 1946 Elections to the Supreme Soviet of the USSR (Based on Materials from the Kemerovo Region)]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Istoricheskie nauki*. No. 4, pp. 33–36.

Korel’, L. (2005). *Sotsiologiya adaptatsiy: Voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of Adaptations: Issues of Theory, Methodology, and Methods]. Novosibirsk, Nauka. 424 p.

Kur’yanovich, A. (2016). Vybory v Verkhovnyy Sovet SSSR 1937 goda kak legitimatsiya sovetskogo obshchestvenno-politicheskogo rezhima (na primere Belorusskoy SSR) [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937 as Legitimation of the Soviet Socio-Political Regime (Using the Example of the Belarusian SSR)]. In *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. No. 1, pp. 46–53.

Leng, H.-O. (1973). *Die allgemeine Wahl im bolschewistischen Staat: Theorie. Praxis*. Genesis. Meisenheim am Glan, Anton Hain. 272 p.

Motrevich, V. (2009). Vybory v Verkhovnyy Sovet SSSR 1946 goda [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1946]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost’*. No. 10, pp. 372–381.

Okladnikov, A. (Ed.). (1969). *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia from Ancient Times to the Present Day]. Leningrad, Nauka. 464 p.

Pavlova, I. (2003). 1937: vybory kak mistifikatsiya, terror kak real’nost’ [1937: Elections as a Hoax, Terror as Reality]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 19–37.

Schlögel, K. (2008). *Terror und Traum: Moskau 1937*. München, Carl Hanser Verlag. 816 p.

Ushakova, S. (2001). *Ideologo-propagandistskie kampanii kak sposob sotsial’noy mobilizatsii sovetskogo obshchestva v kontse 1920-kh – nachale 1940-kh gg.: na materialakh Zapadnoy Sibiri* [Ideological and Propaganda Campaigns as a Way of Social Mobilization of Soviet Society in the Late 1920s – Early 1940s: Based on Materials from Western Siberia], Dr. hist. sci. diss. Novosibirsk. 22 p.

Ushakova, S. (2008). Sotsial’naya mobilizatsiya kak sistemnaya kharakteristika sovetskogo obshchestva [Social Mobilization as a Systemic Characteristic of Soviet Society]. In *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy. Sb. materialov regional’noy molodezhnoy nauch. konf.* Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, pp. 205–212.

Von Borcke, A. (1983). *Partizipationsprobleme und Parteiregime in der Sowjetunion. Grenzen des bürokratischen Autoritarismus*. Köln, Bundesinst. für Ostwiss. u. Internat. Studien. 70 p.

Voslenski, M. (1991). *Nomenklatura: gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenklatura: The Soviet Ruling Class]. Moscow, Soverskaya Rossiya, Oktyabr’. 642 p.

Zubkova, E. (1999). *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost’. 1945–1953* [Post-War Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow, ROSSPEN. 230 p.